

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.21>

Рязанов Александр Владимирович, Захаров Александр Владимирович

Транзит и языковые игры: логика взаимодействия

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи и взаимозависимости трех составляющих процессов социальной трансформации: транзита, дискурса и языковых игр. Авторы полагают ключевую роль дискурса при проведении в обществе социальных изменений. В процессе функционирования властный дискурс подпитывается результатами языковых игр, что содействует агрегации и мобилизации его сторонников. Внимание акцентируется на значимости работы со словом и целевыми аудиториями в коммуникативном пространстве современного общества. Авторы показывают возможный репертуар использования дискурса и языковых игр при осуществлении транзита.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/2/21.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 121-124. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1:316

Дата поступления рукописи: 18.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.21>

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи и взаимозависимости трех составляющих процессов социальной трансформации: транзита, дискурса и языковых игр. Авторы полагают ключевую роль дискурса при проведении в обществе социальных изменений. В процессе функционирования властный дискурс подпитывается результатами языковых игр, что содействует агрегации и мобилизации его сторонников. Внимание акцентируется на значимости работы со словом и целевыми аудиториями в коммуникативном пространстве современного общества. Авторы показывают возможный репертуар использования дискурса и языковых игр при осуществлении транзита.

Ключевые слова и фразы: транзит; дискурс; властный дискурс; языковые игры; коммуникативное пространство; социальные трансформации; роль СМИ.

Рязанов Александр Владимирович, д. филос. н., доцент
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Саратов
alexandr.ryazanov@gmail.com

Захаров Александр Владимирович, к. филос. н., доцент
Волгоградский государственный технический университет
extrangere@hotmail.com

Транзит и языковые игры: логика взаимодействия

Общества, находящиеся в состоянии транзита, представляются подвижными, динамичными и с разной степенью понимания и включенности в охватившие их процессы. Пожалуй, последняя фраза в данном случае имеет ключевое значение. Транзитивное состояние соответствует современной России. Независимо от неопределенности направления транзита общество буквально охвачено изменениями, это касается всех сторон жизни: изменяются социальная и классовая структура общества, экономическое положение и степень индивидуализации его граждан, в целом меняется вектор его развития. Это сопровождается динамичными процессами в коммуникативном пространстве, а значит, в дискурсивной сфере, проще говоря, в языке. Однако это зависимость обоюдная. Одно не просто сопровождается, но в определенной степени вызывает другое и им определяется. **Актуальность** статьи определяется спецификой самого момента, с которым связаны интересы агентов изменений.

Целью статьи является анализ взаимозависимости транзита, дискурса и языковых игр в процессе социальных перемен. Для реализации данной цели необходимо решить следующие **задачи**: проследить взаимодействие этих факторов в реальном и виртуальном пространстве, а также особенности влияния на транзит дискурса и языковых игр. **Научную новизну** составляет использование комплексного подхода к анализу и языкового материала, и того, что должно за ним стоять при осуществлении транзита.

Перемены в жизни общества неразрывно связаны с переменами в языке. Язык становится подвижным, динамично меняется и вбирает в себя новые понятия-слова, которые способствуют агрегации и мобилизации носителей перемен. Таким образом, именно слова становятся элементами моды, активно продвигаются в средствах массовой информации и средствах массовой коммуникации (далее – СМИ и СМК). Параллельно с этим можно наблюдать поляризацию групп, находящихся в конкуренции за сам факт поддержки или сопротивления названным процессам в социальной и политической жизни. Дискурсивное пространство оказывается местом противоборства противостоящих друг другу интересов и сил: условных инноваторов и условных консерваторов. Иногда таких сил не две, а три и большее количество.

Градус противостояния групп интересов может быть различным. По этой причине языковые игры могут оборачиваться достаточно жесткими столкновениями с определенным количеством реально пострадавших. Подобные ситуации можно назвать, скорее, языковыми войнами, то есть противостояние борющихся в символическом пространстве дискурса сил переносится на реальное пространство. То есть именно дискурс становится центром притяжения для сторонников и противников перемен в общественном развитии. Ситуация часто приобретает характер резкого противостояния позиций, что находит свое выражение в борьбе за властный дискурс.

Важным моментом становится соответствие дискурса и стоящей за ним реальности, а также его мобилизационный потенциал, который как раз способен сплотить сторонников сходных идей и взглядов. Такие периоды социальных перемен и революций в России всегда сопровождались введением в употребление новых терминов и смещением смысловых акцентов в старых. Это сопровождалось попытками вывести властный дискурс на новый уровень, сделать его узнаваемым и востребованным, увлечь с его помощью новые группы граждан. Претендующий на такие цели дискурс имеет большие возможности привлечь к его формированию и продвижению профессионалов в сфере языка и коммуникаций. Значительную роль в подобных случаях играет заимствование понятий и слов со стороны, что в ряде случаев может вызвать нежелательные эффекты, когда заимствуются

слова, обозначающие реально существующие в стране заимствования феномены, но не имеющие существования в новой социальной реальности. Они являются причиной имитационного функционирования заимствований, когда за словами, имеющими соответствующие смыслы, скрываются совершенно иные феномены [9].

Борьба смыслов ведет к борьбе терминов, точнее, тех групп влияния, которые связывают с продвижением этих терминов свои интересы. Причем это продвижение терминов может ограничиться виртуальном пространстве: в физическом пространстве изменений никаких не будет заметно. Ситуация может быть иной, изменения могут происходить в реальности, но не совсем такие (или совсем не такие), какие надеялись получить (надеялись ли в самом деле?) интересанты этих изменений.

Транзит всегда сопровождается соответствующими ему языковыми играми. В этот период заинтересованные в изменениях стороны стремятся расширить базу своей поддержки за счет потенциальной активности новых акторов, которых удалось к этому привлечь, в том числе с помощью дискурсивной мобилизации с помощью языковых игр. В период ломки привычного уклада, в эпоху социальных перемен заинтересованным в изменениях группам важно найти союзников и отделить их, даже в символическом пространстве, от групп с противостоящими интересами.

Для этого нужен новый язык, совершенно непохожий на тот, что существует в данный момент. На этом новом языке формулируются те требования, которые должны быть реализованы для удовлетворения интересов людей, стремящихся к изменениям. С помощью нового языка формируется словесный портрет желаемого будущего, рисуется его эскиз, прорабатываются (по крайней мере, на словах) его детали.

В формировании такого дискурса принимают участие люди разных специальностей. Привлекательную картину мира сложно нарисовать обыденным языком, поэтому для этого используется новая терминология, часто имеющая за собой привлекательное, но не слишком конкретное содержание, которое может укладываться в формулу «красиво, но непонятно». Такие термины могут даже становиться предметом моды и получать широкое распространение в том или ином языке в определенные периоды времени. Так, слова «перестройка», «новое мышление», «консенсус» и ряд других вошли в общественно-политическую лексику в 80-е годы XX в. и ассоциируются с эпохой нахождения у власти М. С. Горбачева.

«Дискурсивная практика воспроизводит или изменяет другие измерения социальной практики так же, как другие социальные измерения формируют дискурсивное измерение – вместе они составляют наш мир». Это вовсе не означает, что все является дискурсом, но «дискурс сам по себе полностью образует наш мир» [10, с. 39]. Дискурс состоит из отобранных определенным образом слов, и они участвуют в проектировании и реализации желаемых изменений.

Заимствованное в такой ситуации из какого-нибудь иностранного языка слово «падает в совершенно иную культуру, меняются и его “пользователи”»: его начинают применять представители совершенно иных социальных институтов. И, если это слово не обозначает артефакт (например, заимствованные из другой культуры виды пищи, оружия, инструменты), то первоначальная связь между обозначаемым и обозначающим начинает ослабевать... Все эти явления наблюдаются и при переосмыслении термина ДИСКУРС» [4, с. 17]. Такое заимствованное слово может достаточно далеко отходить от принятого на «исторической родине» значения со всеми вытекающими из данного факта следствиями, приобретать новые смыслы и иное ценностное содержание. Именно это и произошло со словом «дискурс».

«Если дискурс управляет сознанием, а сознание управляет действиями, то для властных групп важным является контролировать в первую очередь дискурс... Если коммуникативные события включают в себя не только “вербальные” тексты и разговоры, но и влияющий на дискурс контекст, то первым шагом в контроле над дискурсом является контроль над его контекстом. Например, властные элиты или организации могут решать, кто, когда, где и с какими целями будет участвовать в том или ином коммуникативном событии» [2, с. 28]. Получается, что языковые игры связаны непосредственным образом с контролем дискурса и порядком доступа к участию в коммуникативных событиях. Это еще один сегмент социального пространства, который подлежит контролю для обеспечения доминирования действующей власти. Она пытается осуществлять управление коммуникативными информационными потоками в процессе формирования и продвижения выгодного для себя дискурса. Она стремится с помощью разных средств контролировать плотность информационных потоков, прямо влияет на допуск к производству новостей, оказывает воздействие на восприятие происходящего и поощряет желательную интерпретацию новостных блоков и общественно-политических событий.

Поскольку мы рассматриваем языковые игры в ситуации транзита, то сама ситуация связана с изменением положения (прежде всего, экономического) значительных масс населения, в том числе и с переменами в социальной структуре общества. Причем часто это происходит в ситуации резкого противостояния между соперничающими группировками и сопровождается открытым конфликтом, который имеет результатом заметную поляризацию позиций, отражающуюся даже в языке, дискурсе. Если слушать выступление человека по общественно-политической проблематике, то вряд ли сложно будет вычленить в нем признаки определенного дискурса. По употребляемой лексике можно будет отделить условного коммуниста (сторонника левой идеи) от условного же либерала.

Прагматические цели требуют от их интересантов такого подбора слов, который позволяет трансформировать реальность хотя бы и на словах, но таким образом, чтобы создать у других иллюзию достижения закрепленных в дискурсе целей или хотя бы возможности такого достижения.

Для многих людей овладение властным дискурсом становится настолько важным, что является основным средством, позволяющим получить доступ к материальным благам, должностям, иначе говоря,

к продвижению вверх по карьерной лестнице. Умелое использование властного дискурса поднимает человека в своих глазах, служит основным средством распознавания «своей» – «чужой», отделяет носителя этого дискурса от всех остальных.

Коррекция политически «правильного» дискурса происходит в результате отбора наиболее удачных слов-терминов, выражающих интересы референтной группы, и отбраковки менее удобных вариантов. Это является результатом циркуляции информационных потоков разного генезиса, которая не является свободной, а обязательно в той или иной степени управляемой. Эти потоки стремятся контролировать имеющиеся для этого возможности силы за счет создания условий благоприятствования «своим» из них и организации препятствий на пути «чужих». Естественно, в результате мы имеем поддержку одних акторов и сдерживание всяких других.

Языковые игры могут иметь разные цели и носить разный характер: от индивидуальных до коллективных, от не приносящих доход до профессиональных и приносящих доход. Но их игровой характер служит не только и не столько в качестве развлечения. Кроме того, языковые игры являются важным средством формирования и распространения дискурса на новые общественные группы, интересы которых он призван удовлетворять и обеспечивать. Они являются необходимым элементом манипуляций и программирования психики [7, с. 107], к которым приходится прибегать заинтересованным сторонам в целях реализации задуманного и достижения поставленных целей.

Транзит нередко чреват надуманностью и неорганичностью поставленных целей, для которых часто отсутствуют необходимые условия-предпосылки. К тому же нередко бывают случаи, когда реформы, начатые во благо и даже необходимые для общества, приводят к негативным последствиям и имеют крайне нежелательный для определенного социума итог. Успех транзита зависит от многих обстоятельств, одним из важнейших является наличие социальной группы или класса, заинтересованного в нем, понимающего и осознающего свой интерес. Именно в языке и через него находит свое выражение идея о необходимости того или иного преобразования, формируется его образ, план и осуществляются сами преобразования.

Для того чтобы запланированное было осуществлено, необходим контроль за СМИ и СМК. Важно осуществлять коммуникацию с обществом и его группами, нейтрализуя противников перемен и при этом делегитимируя их дискурс. Так работает современная технология власти: она уходит от прямого принуждения. «Сегодняшние организационные формы бизнеса содержат элемент дезорганизации, преднамеренно встроенный в них: чем они менее твердые и более текучие, тем лучше» [1, с. 166]. Управление происходит преимущественно через язык, дискурс, которые, кроме прочего, обладают потенциалом внушения. Кроме того, во многих государствах происходит сегрегация через образование, что дает возможность находящимся у власти группам держать под контролем значительные массы населения через осуществление продуманной манипуляции притязаниями и ожиданиями масс. Тем более что современные средства массовой коммуникации предоставляют для этого массу возможностей.

При необходимости носители властного дискурса могут прибегать к помощи старых проверенных методов неявного силового давления, но даже в этом случае управление идет главным образом через информационное доминирование. Для реализации этой цели могут привлекаться как раз языковые игры. Здесь властный дискурс и языковые игры взаимно поддерживают друг друга, работая на достижение этой общей цели. Они стимулируют перформативный [5, с. 23] характер дискурса, создавая благоприятную ситуацию для агентов изменений и способствуя агрегации их сторонников.

Транзит представляет собой только некоторую возможность реального воплощения запланированного, но это всегда представляет собой лишь ту или иную вероятность достижения успеха на этом пути. Условия для реализации процесса трансформаций далеко не всегда присутствуют в действительности. Сторонники сохранения текущего положения дел могут тем или иным образом противодействовать усилиям противоположной стороны. Они же развивают и продвигают дискурс, стремящийся стать господствующим.

О. А. Кармадонов, анализируя взгляды Пьера Бурдьё, отмечает: «...рассматривая феномен “легитимного” или “правильного” языка, он вводит такие понятия, как “лингвистический рынок” и “держатели лингвистического капитала”. Именно последние, согласно французскому социологу, “определяют законы ценообразования лингвистического рынка”, который через разработанную систему санкций обеспечивает легитимацию “официального языка”, то есть определяет наиболее ценный и должный вокабуляр, и отклоняющийся от нормы» [3, с. 48]. Таким образом, отмечается характерная особенность всякий раз существующего властного дискурса: «встроенность» в современные рыночные отношения. В то же самое время не соответствующие ему дискурсы через символическое насилие делегитимируются и выводятся из общественного употребления, а затем вообще из легального поля.

«В условиях глобализации совершенно явно возникает и глобальный рынок с совершенно определенными держателями лингвистического капитала, относящимися, прежде всего, к так называемой “атлантической социокультурной модели”, которая и определяет процессы “ценообразования” на данном рынке» [Там же, с. 49].

Сам факт транзита предполагает организацию «движения» по какому-то образцу, а значит, предполагает немалый процент заимствования со стороны и одновременно угрозу своему исходному символическому универсуму. Уже сам по себе этот факт запускает механизм противодействия этим изменениям, и появление противников подобных изменений не заставит себя долго ждать. Общество в таком нестабильном состоянии может находиться неопределенно долгое время. Причиной может быть явный, а чаще неявный саботаж внедрения планируемых изменений, когда люди просто формально подходят к выполнению своих обязанностей, то есть фактически имитируют деятельность. «Чтобы удержаться, официальный порядок всегда до значительной степени паразитирует на не признаваемых формальной схемой неофициальных процессах, без которых

он не мог бы существовать и которые он не может сам создавать и поддерживать» [8, с. 495]. Люди, не заинтересованные в изменениях, понимая необходимость подчиниться, формально принимают новый дискурс, связанные с ним порядки, но личный практический опыт говорит им о целесообразности именно своего понимания ситуации и необходимости действовать определенным образом. Хотя вынужденно люди все же прислушиваются и принимают требования властного дискурса.

Дж. Скотт пишет: «Под большим давлением и при резких общественных переменах язык может меняться довольно разительно. В результате чего появляются новые гибриды, но для людей, которые говорят на нем, он все же остается узнаваемо родным. Влияние по направлениям разговорного языка никогда не распределяется одинаково, но инновация прибывает издалека и отовсюду, и, если многие найдут новшество полезным и уместным, они примут его как часть *своего* языка» [Там же, с. 524]. Однако восприятие этого дискурса может остаться сугубо демонстративным и в реальности не приводить ни к каким позитивным последствиям. Об этом свидетельствует положение вещей в современной российской действительности. «Имитация и симулякры представляют собой одну из разновидностей социального бытия, в котором нематериальная символическая реальность пытается выдать себя за материальную вещественную реальность...» [6, с. 93].

Тем не менее, по видимости, результат может быть и будет обозначен, хотя бы и на словах. Эти слова могут появиться в провластных СМИ, что для них будет являться важным показателем видимого успеха запланированных реформ, а для руководства СМИ лишний раз представится возможность продемонстрировать свою поддержку официально одобренным целям. В результате каждая сторона получает определенную выгоду и, наряду с этим, одобрение сторонников властного дискурса. Как это не покажется странным, властный дискурс может выступать зримым заместителем ранее запланированных изменений. В случае же реально происходящих в обществе трансформаций (даже частичных) он многократно усиливает позиции своих сторонников и действующей власти в целом.

Транзит имеет значимый ресурс для реализации изменений в лице властного дискурса и языковых игр. Именно от удачного речевого оформления необходимых мероприятий зависит и степень мобилизации потенциальных сторонников, и конечный результат всего задуманного. Дискурс настраивает и объединяет заинтересованные в его реализации силы. Кроме того, языковые игры дают возможность проведения продуманных мероприятий в отношении своих политических противников. Даже в случае сомнительного результата социальных изменений в реальном пространстве всегда остается возможность продемонстрировать «успех» в средствах массовой коммуникации, удерживая общий контроль ситуации.

Список источников

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
3. Кармадонов О. А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 47-56.
4. Михалева О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
5. Остин Дж. Л. Перформативы-констативы // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серл. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 23-34.
6. Панкратова Е. В., Шмигирилова Л. Н. Имитации как технология манипулирования массовым молодежным сознанием // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. Вып. 23. № 2 (145). С. 93-103.
7. Пугачев В. П. Управление свободой. М.: КомКнига, 2005. 272 с.
8. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 557 с.
9. Фельдман Д. М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Рос. гуманит. ун-т, 2006. 486 с.
10. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Гуманитарный фонд, 2004. 336 с.

Transition and Language Games: Logic of Interaction

Ryazanov Aleksandr Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin (Branch)
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov
alexandr.ryazanov@gmail.com

Zakharov Aleksandr Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Volgograd State Technical University
extrangere@hotmail.com

The article considers interrelation and interdependence of three components of social transformation processes: transition, discourse and language games. The key role of discourse in social changes is emphasized. In the process of functioning, power discourse enriches itself through language games, which promotes aggregation and mobilization of its supporters. The researchers' attention is focused on importance of work with the word and target audiences in communicative space of the modern society. The authors show possible ways of using discourse and language games in the transitional period.

Key words and phrases: transition; discourse; power discourse; language games; communicative space; social transformations; role of mass media.